

ВНУТРЕННИЙ ВРАГ
В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ
(ДОНБАССКИЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ПАЛИМПСЕСТ)

Андрей Горных

INTERNAL ENEMY IN THE INFORMATION WAR
(DONBAS IDEOLOGICAL PALIMPSEST)

© Andrei Gornykh

philosopher, Professor at the European Humanities University,
Academic Department of Social Sciences
Kalvarijų g. 98-40 Vilnius, LT-08211 Lithuania

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8191-5514>

E-mail: andrei.gornykh@ehu.lt

What if the information war is not just a smoke screen behind which the true intentions of a side are concealed, but an imaginary veil that establishes reality for that side? According to Žižek, social reality is based on such key fantasies: “Fantasy is the original form of narrative, the purpose of which is to hide a hopeless situation”. This kind of questioning makes us look at the example of Donbass as an instructive ideological palimpsest. The most important layers of which are the realities of the Soviet catch-up modernization: the struggle against the backwardness of the Soviet workers (laxity) and flirting with the petty bourgeoisie (fashion for money). “Enemies of the people”, “fascists”, and its contemporary analogue “ukro-fascists” to a considerable degree function as fantasmatic projections of an internal enemy inscribed in the complex ideological palimpsest of the original laxity reinforced by the fashion for money.

Keywords: information war, ideological fantasies, internal enemy, projection, cinema, dialectics of the Soviet catch-up modernization.

«Расскажи мне, как вам, евреям, удастся богатеть, вытягивая у людей все до последней копейки?» – этот вопрос поляка из анекдота, приводимого Славоем Жижекком для иллюстрации механи-

ки идеологической фантазии, может послужить «черным входом» в проблематику современной информационной войны («парадным входом» в которую служат бесчисленные рассуждения о геополитических столкновениях интересов игроков разного уровня).

Ответ анекдотического еврея заключается в зеркальном отражении вопроса – он разворачивает это «как» до целого рассказа: «Взять мертвую рыбу, отрезать ей голову, внутренности положить в миску с водой и т.п.», – который не имеет конца, то есть так и остается вопросом. За продолжение еврей каждый раз требует новую сумму денег, после уплаты которой выдает новый фрагмент вечно неполной формулы – «миску с водой в полнолуние зарыть во дворе церкви и т.п.» – и снова требует денег за продолжение рассказа. В конце концов поляк яростно кричит: «Да у тебя нет никакой тайны, ты просто хочешь вытянуть у меня все до последней копейки!» А еврей отвечает невозмутимо: «Ну что ж, теперь ты знаешь, как мы, евреи...»¹

«Тайной», таким образом, бессознательно обладает сам вопрошающий – она скрыта в самой постановке его вопроса. Эта тайна заключается в том, что собственная нехватка денег в распаленном воображении представляется как мистическое свойство другого человека, иного типа человека, который как магнит притягивает к себе все деньги, причиняя, тем самым, мне эту нехватку. Моя нехватка «здесь» принимает форму избытка где-то «там» в качестве ее причины. Еврей своим рассказом просто поддерживает, усиливает эту фантазию поляка, реально делая на этом деньги. «Еврей», таким образом, служит образцовым воплощением идеологической фантазии – он черпает свою «мистическую» силу из нашего бессилия, он светится гипнотическим лунным светом отраженной жадности «поляка». Это неузнавание себя самого, собственного желания внутри внешнего объекта функционирует, по Жижеку, в качестве базового механизма идеологии. И именно на этом неузнавании основывается та относительно стабильная для индивиду система координат, которую мы называем социальной реальностью.

Ибо узнать себя в «еврее» значило бы признать, что это именно «нормальные европейцы» как раз и отмечены «особой жадностью» – фантазматическим отношением к деньгам. А «евреи» («спекулянты» – банкиры, финансисты, коммерсанты и пр.) просто используют это наше глубинное внутреннее свойство. «Секрет», иными словами, заключается в том, что то, что мы выискиваем у другого в качестве его сущности (ненавистной для нас!), с самого начала присутствует в нас самих. Но посредством этого поиска мы задним числом делаем цельными и невинными нас, реализуя посредством «другого» (неузнавания) это наше подлинное желание.

¹ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Издательство «Художественный журнал», 1999. С. 68-69.

В этом контексте критика действий Кремля на Донбассе, например, могла бы заключаться не только и не столько в том, чтобы раскрыть за дымовой завесой информационной войны его подлинные замыслы как геополитического игрока (как будто политики делают именно то, чего хотят, при этом точно зная, чего же именно они хотят). Но учитывая, что субъект вообще, как демонстрирует психоанализ, характеризуется базовой фрустрацией относительно собственных мотивов и, следовательно, подвержен фантазиям, не исключать из этой логики и политических субъектов. Или даже, подобно Жижек, пойти дальше и предположить, что политические субъекты подвержены самым тяжелым формам идеологического фантазирования. Иными словами, что если информационная война – не дымовая завеса подлинных желаний одной из сторон, призванная дезориентировать противника в отношении своих стратегических планов, но воображаемый покров, учреждающий реальность для нее самой?

Подобного рода постановка вопроса заставляет нас взглянуть, в частности, на пример Донбасса как на поучительный идеологический палимпсест. Самым ранним слоем этого палимпсеста может выступить история советской модернизации 1930–х годов. Несмотря на все различия социальных систем, перед СССР стояли те же задачи индустриализации страны, которые развитые европейские страны в основном решили еще во второй половине 19 века. Главной спецификой проекта советской модернизации был ее догоняющий по отношению к западным странам характер.

Позиции, с которых СССР включился в эту гонку, были весьма неблагоприятными – в обществе доминировали «традиционные деревенские отношения»: «Неразвитость индивидуальной личности, ее растворенность в общине, низкая социальная мобильность, неприязнь к нововведениям, вера в незыблемость твердо установленного порядка и авторитета его хранителей» (Вишневский, 1998, с. 19). Еще В. Ключевский описывал, как «малоусидчивые» русские крестьяне бросали участки, с которых собрали несколько урожаев, на бессрочный отдых и переходили на новые целинные участки, демонстрируя отсутствие стимулов к интенсивному земледелию. «Советский вариант модернизации, – по мысли цитируемого выше Вишневского, – предложил свою альтернативу становления современного общества – без среднего класса. Однородная масса крестьян превратилась в не менее однородную массу государственных рабочих и служащих» (Вишневский, 1998, с. 108).

Дело было не только в том, чтобы быстрыми темпами ликвидировать разрыв в индустриальном потенциале страны, который, как показала Первая мировая война, стал решающим военно-политическим фактором. Фундаментальной задачей для огромной крестьянской страны стала проблема низкой производительности труда: «Производительность труда – это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» (Ленин В. И., «Великий почин», 1919) (Ленин, 1970, с. 21). Выражаясь языком тех лет, проблема заключалась в «переводе на рельсы» индустриального труда сельских масс, вырванных их традиционного цикла сельскохозяйственной жизни. Революционный энтузиазм, а позже сталинский дисциплинарный деспотизм, мог до известной степени компенсировать отсутствие традиций рационализации и протестантской этики труда. Но всю страну было невозможно превратить в ГУЛАГ, тем более эта деклассированная масса (вчерашние крестьяне, городской люмпен-пролетариат, бюрократические «выдвиженцы») была основной социальной базой сталинизма. Тем не менее именно в этой основе сталинизма и таилась системная опасность для модернизирующейся страны. В лучшем случае сталинский «новый человек» мог быть безотказным бездумным исполнителем приказов других таких же механистических бездумных исполнителей приказов свыше, какими бы иррациональными они ни были. Но в отсутствие связи с вышестоящими инстанциями сталинский исполнитель утрачивал способность самостоятельно эффективно действовать (что послужило одной из главных причин военной катастрофы Красной армии лета 1941 года). В худшем случае «новый человек» скатывался в то инертное болото советского мещанства (типаж, получивший впоследствии презрительный ярлык «гегемон»), непрофессионализм, невежество, пассивность и эгоизм в среде которого были прямо пропорциональны самоуверенности и агрессивности.

В этой точке начинается история советской модернизации, как она предстает в том «идеологическом сне» сталинизма, которым выступал художественный кинематограф эпохи. Исходное состояние мобилизованных на ударный труд масс оказывается в нем более чем плачевным. В каноническом фильме эпохи «Трактористы» (Иван Пырьев, 1939) рабочая бригада в начале напоминает сборище дезертиров времен гражданской войны – пассивность, лень, разгильдяйство. Все это находит свое концентрированное пластическое воплощение в пляске самого колоритного представителя производственной анархии – персонажа Петра Алейникова.

Главный герой, возвратившийся в Украину демобилизованный танкист, на протяжении фильма предпринимает усилия по организации этого сброда в засаленном рванье в боеспособное подразделение трудовой армии.

В главном донбасском киноэпосе – фильме «Большая жизнь» (Леонид Луков, 1939) – тот же Петр Алейников уже не пляшет, но поет, в своем амплу советского разгильдяя встречая другую фигуру модернизатора, инженера шахты.

Сценой этого эпоса догоняющей модернизации служит транзитивное социальное пространство рабочего поселка: уже не деревня, еще не город, заселен уже не крестьянами, традиционные трудовые ритмы которым диктует сама земля, еще не рабочими, темп и качество труда которым диктует сознательность.

Центральным моментом этого киноэпоса выступает качественный скачок в сознательности рабочих, позволяющих им поднять на необходимый уровень производительность труда. Но происходит этот скачок не только и не столько под нажимом милитаристской фигуры модернизатора, индустриального командира (коммуниста, демобилизованного военного, дисциплинированного инженера), сколько в силу столкновения с третьей силой.

Эта третья сила – вредитель. Этот «враг народа», в отличие от классово чуждых элементов, – выходец из недр пролетариата, подземный двойник рабочего. Пространство шахты приобретает здесь аллегорический смысл – в темных глубинах, самых нижних «пластах» рабочего класса водятся эти оборотни, ничем по видимости не отличающиеся от обычного пролетария, только с противоположной функцией. Они призваны не ускорять промышленный темп, но замедлять его. Призваны кем, когда? В «Большой жизни» еще нет внятной сталинской мотивировки связи с мировым империализмом, действий агентов вражеских разведок и т. п. Вскользь упоминаются кулацкие родственники одного из антигероев, но даже эта психологическая мотивировка дана скорее намеком. Важно то, что по каким-то причинам они вредят, и это вредительство вовлекает в свою орбиту «неустойчивый элемент» рабочей молодежи – людей склонных к выпивке и самолюбию, мелкому хулиганству, поддающихся эмоциям («Работаешь как хулиганничаешь!» – говорит старый, сознательный рабочий молодому). Недисциплинированные рабочие обитают в близлежащих к инфернальному измерению вредительства областях социального низа – темных парках, пивных.

Центральный эпизод фильма – акт саботажа: выбивание вредителями опор горной крепи в шахте, что вызывает ее обрушение. Именно в этом драматическом апогее дисциплинированные рабочие понимают, что они на самом деле делали своей бездеятельностью – они выступали невольными пособниками вредителей. Собственно эпизод с выбиванием столбов шахтной крепи служит социальной аллегорией. Недисциплинированные рабочие – это отдельные «столбы» рабочего коллектива, выбив которые можно обрушить весь коллективный промышленный труд. Физическая диверсия служит лишь средством социальной диверсии – она показывает, что нужно делать рабочему, чтобы самому стать подломленной опорой системы. Вредитель в акте саботажа пытается «перекрыть воздух» для эффективного труда, буквально перекрывая воздух, приводящий в движение пневматические отбойные молотки. Победа над вредителем остается фактически за кадром: его извлекают из шахтных глубин и уводят из кадра сами же рабочие (вообще в фильме отсутствуют элементы государственной машины – спецслужбы, милиция, суды, спасатели, больницы – все происходит в самоорганизующемся рабочем коллективе). Победа над вредителем репрезентирована как победа над той «темной силой»

в себе, которая препятствовала эффективному труду. Собственно вредители – это те, кто всячески пытаются эту «темную силу», бродящую внутри представителей первого поколения рабочего класса, выпустить наружу. Герой-шахтер, который теперь уже осознанно берется на отбойный молоток, чтобы не просто хорошо работать, но работать по-стахановски, многократно перекрывая норму (ускоренными темпами догоняя западную промышленность), успешно воюет на два фронта. Вовне – против косной материи, недр земли, из которых нужно вырвать их спящую энергию, уголь. Изнутри – против традиционалистской косности и эгоизма в самом себе, добывая социальную Энергию коллективного труда. Песенный лейтмотив «Большой жизни» четко выражает этот особый милитаризм советского модерна: «Идет вперед, стахановское племя, // Идут шахтеры в бой за уголек!». Для пролетаризирующихся крестьянских масс (нового племени) труд – это бой. Милитаризм служит ферментом такого труда, позволяющим достичь необходимой для эффективности дисциплины производства. Случай шахтерского труда – образцовый, в силу коллективизма, тяжести и опасности условий такого труда, в силу его стратегической значимости для общей индустриализации страны.

В кинематографическом плане сама форма шахтерского труда позволяет практически бесшовно склеить трудовое и милитаристское воображаемое. Что демонстрирует вторая, военная часть киноэпоса «Большая жизнь» (1946) и другие фильмы того же Лукова. Так, в фильме «Два бойца» (1943) бой пулеметного расчета служит визуальной рифмой шахтерской работы с отбойным молотком.

Так, в советском кинематографе возникает общая военно-экономическая поэтика производственных «битв» и ратного «труда», циклически сменяющих друг друга.

Кто является главным врагом в этой перманентной войне, с документалистской наивностью и одновременно с еще большей идеологической фантазией демонстрирует фильм Дзиги Вертова «Симфония Донбасса» («Энтузиазм») 1930 года, который можно рассматривать как исходный визуальный текст нашего идеологического палимпсеста.

В документальном фильме Вертова нет и толики тех жизненных реалий, которые представлены в художественных фильмах Лукова – бытовой неустроенности и распущенности, производственной неэффективности, классовой несознательности. Утопический «киноглаз» Вертова видит будущее сквозь пелену настоящего. «Симфония Донбасса» – это сплошные образы Организованности и Энтузиазма: трудовые колонны, просветительские марши, синхронность жизни и труда в коллективных телах (зарядка, тренировка, праздник, труд).

Сгущенность такого дисциплинарного воображаемого свидетельствует о его компенсаторных функциях по отношению к тому, что собственно вытесняется этим идеологическим воображением. Тому, что промелькивает на поверхности киноленты в виде симптоматических деталей. Самой значимой подобного рода деталью является имя врага, начертанное на знамени, под которым на «бой за уголек» несутся на паровозе массы пролетарских энтузиастов.

В центре знамени начертано: «Уничтожим расхлябанность!». «Расхлябанность» одно из первых имен «темной силы», генеалогия которой уходит корнями в эпоху буржуазных революций², – присутствие которой явственно ощущает в довоенном сталинском кинематографе.

В 1930-е годы, когда и милитаризированный Тиран, и свора «богачей-кулаков», казалось бы, повержены, отброшены, источник лишений советского народа (от повседневной нищеты до катастроф типа голода в Украине) оказывается идеологически трудно локализуем. Око идеологии блуждает в тумане систематической жестокости и недееспособности сталинской бюрократии, усматривая «перегибы на местах», или общей низкой культуры пролетариата, выхватывая «отдельных несознательных рабочих». Что делать с этой системной проблемой построения социализма в отсталой

² Знаменитая «Варшавянка» (1879), гимн революционной эпохи 1905–1917 г., начинается словами: «Вихри враждебные веют над нами, / Темные силы нас злобно гнетут». Что это за «вихри» и «силы»? В истоке революционного воображаемого – в канонической «Марсельезе» (1792) – эти силы выступают в виде Тирана. Но сам Тиран – суверен явлен как «рев кроважанных солдат» (*mugir ces féroces soldats*). Солдат как «орды рабов» монарха (причем по сути не важно – своего или иностранного!), которые несут рабство всем. Отсюда главный призыв буржуазно-демократической революции: «К оружию, граждане!» (*Aux armes, citoyens!*). Республиканский революционный порыв – это самоорганизация народа и вооруженное отстаивание своих прав перед лицом любой тирании, которая навязывает свою волю извне народу. Французский король – в этом смысле такой же иностранец, как и другие европейские самодержцы. Более того, в демократической системе координат он не человек, ибо занимает позицию вне общего Закона. Суверен – не гражданин собственной страны, он воплощает в себе эту внешнюю республике чужеродность как таковую.

В русскую революционную эпоху 1905–1917 г. образ порабощающей чужеродности, по мере демонтажа царизма, утрачивает свой антропоморфный характер. Но тем более ощутимы становятся результаты воздействия этих сил – «Мрет в наши дни с голодухи рабочий / Станем ли, братья, мы дольше молчать?» («Варшавянка»). Нехватка свободы принимает форму голода.

В «Рабочей Марсельезе» 1875 года («Отречемся от старого мира...») причина этой смертельной нехватки модифицируется:

«Богачи-кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд.
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб глумились они над тобой».

Феодальный тиран, который «размножен» в тысячах своих солдат, который служит общим знаменателем, геральдическим знаком, знаменем этой силы, уступает место безликой, жирной, жадной буржуазной «своре».

крестьянской стране? Идеология не может усмотреть в ней ничего иного, кроме решающего условия успеха. Тоталитарная машина сталинизма функционирует как военно-бюрократический аппарат принуждения прежде всего самого «победившего» трудового народа. По мере того как она сталкивается с его сопротивлением, она закручивает гайки дисциплины, вплоть до террора. По мере раскручивания спирали террора система все более нуждается во внешнем враге как инверсированной проекции собственной внутренней невозможности: внутреннее бессилие становится внешней силой. Невозможность победы над внутренним врагом требует вполне определенного внешнего врага. Ибо сопротивление советских масс оказывается не столько сознательным, сколько стихийным – «расхлябанностью». Опора репрессивной бюрократической системы – советское мещанство, сформированное из вчерашних крестьянских масс, не способное работать «за идею» (будь то протестантская этика или построение коммунизма). Принцип существования советского мещанина – минимальными усилиями (от неэффективного труда до приписок и мелкого воровства) достичь среднего бытового благополучия (еда, мебель, фикус). В обмен на безропотное подчинение власти. Победить «расхлябанность» (в позднесоциалистических терминах – «бесхозяйственность») для такой власти значит подорвать собственную опору, победить самих себя. А бороться необходимо – ибо снижение темпов модернизации делает вполне осязаемой фигуру внешнего врага, который поглотит более слабого в военно-экономическом отношении противника. За внутренним врагом маячит внешний. Но в идеологической камере обскуре перспектива переворачивается – внешний враг становится ширмой, за которой надежно укрывается от глаз враг внутренних.

Логика жестокой борьбы за власть Сталина со своими оппонентами – нечеловеческие пытки, фантазмагорические обвинения, размах репрессий – будет ускользать, если мы припишем это перверсивной психологии Тирана. Видимый иррационализм этой политической борьбы нужно переосмыслить в более широком контексте той идеологической фрустрации, в которой оказывается проект советской модернизации в 1930-х.

В качестве центрального симптома этой фрустрации может послужить реабилитация денег на самом высшем уровне. На ноябрьском пленуме 1934 г. Сталин делает программное заявление: «Денежное хозяйство – это один из тех немногих буржуазных аппаратов экономики, который мы, социалисты, должны использовать до дна. ... Деньги пойдут в ход, пойдет мода на деньги... (курсив А. Г.). ... Наши организации... начнут, наконец, уважать потребителя, признавать в нем человека, а не зверя» (Трагедия советской деревни, 2002, с. 320–326).

При этом на уровне высшего руководства СССР признается, что только в нескольких самых крупных городах (Москва, Ленинград,

Харьков, Киев, Баку) «имеются действительно более или менее квалифицированные рабочие, со вкусом люди, которые жить хотят, умеют жить». На остальных же бескрайних просторах модернизирующейся страны – «средневековье» в отношении культуры производства и быта. Так Сталин говорит об отнюдь не самом неразвитом Урале: «Прямо удивляешься, как там люди живут? Сколько грязи! Быт какой ужасный, средневековый» (Там же, 2002).

Фрустрационный узел данного политического дискурса модернизации состоит в фактическом признании того, что неквалифицированная масса трудящихся не умеет и не хочет «жить» по-новому. Но звериное лицо потребителя (мещанина, мелкобуржуазного элемента и т. п.) нужно не просто временно терпеть, более или менее насильственно втягивая его в новую жизнь. Но и идти ему на встречу, прививать его ценности всему советскому народу. Вымещая зло на «сакральных жертвах», принимающих на себя грехи советского народа и его руководства.

Ленинская «новая экономическая политика» (1921–1928) рассматривалась как временное отступление перед мелкобуржуазной инерцией в отдельных секторах экономики (мелкая торговля, сельское хозяйство). Начало же форсированной индустриализации – национализация, введение жесткого государственного планирования в 1928 году («пятилетки»), полный запрет частной торговли в 1931 году – представляло окончательным реваншем пролетариата. И в разгар этого пролетарского реванша ценность ключевого элемента капитализма – денег – не просто восстанавливается для всего советского народа (а не только переходного типа «нэпмана»), но практически декретом государства утверждается «мода на деньги». Деньги из временного необходимого зла превращаются в «модный» атрибут образа жизни советского человека как такового.

И это при том, что сам Сталин «до конца своей жизни верил, что эти вынужденные уступки будут вскоре преодолены, что социалистическая экономика неизбежно превратится в огромный безденежный комбинат, где все будут работать по указаниям государства и получать взамен натуральные блага...» (Хлевнюк, 2015, с.29).

Разумеется, метаморфоза 1934 года происходит с деньгами в пределах, строго определенных государством (без каких бы то ни было нетрудовых доходов, сверхдоходов и пр.), и в железном идеологическом ошейнике (как награда за достойный труд, бытовое средство, а не самоцель). Но в принципе это и есть капитуляция перед тем системным внутренним врагом мелкобуржуазности, которой идеология придает форму жестокого триумфа над конкретными врагами народа.

«Враги народа» обладают двумя основополагающими характеристиками. Они непременно связаны с иностранными вражескими державами (в идеале – агенты сразу нескольких разведок). Их действия взламывают рамки здравого смысла (внезапные предательства самых «верных борцов», фантазмагорические виды саботажа

и диверсий³) – и именно это является онтологическим аргументом в пользу их существования. Ибо они суть «темные силы», иррациональная деструктивность которых не укладывается в голове нормального человека. Сталинские процессы над конкретными врагами народа – это акт своеобразного идеологического катарсиса. Их цель не только укрыть за благопристойной декорацией правосудия террор от мировой общественности. Но ужаснуться самим, подобно героям триллера, ужаснуться с облегчением от того, что незримо нависавшая опасность наконец-то приняла определенный вид. От того, что эта невидимая, внутренняя опасность отброшена идеологическим фантазированием в заграничную даль и может дотянуть лишь отдельные «щупальца», которые при надлежащей бдительности можно отсечь. Враги народа двоятся. Они имеют вполне благообразный внешний вид (старая революционная гвардия, генералитет, старорежимные специалисты, интеллигенция, и др.). Но, будучи представителями этих темных сил, в дискурсе власти они видятся сквозь риторическую призму неантропоморфных «гадов» – крыс, пауков, змей, вплоть до фольклорных образов, непредставимых ни в каком виде, типа: «волчья стая врагов народа свила свое осиное гнездо в...». Эти аморфные, противоречивые образы, опредмеченные сгустки тревоги, отражают раннюю фазу идеологической динамики эпохи, в ходе которой «монолитный» сталинский режим проецирует вовне собственную нецельность, невозможность и фиксирует ее, удерживают «там», по ту сторону от всего привычного, «нашего» с помощью фантазий, нечетких, двоящихся образов.

В булгаковском «Собачьем сердце» этот внутренний страх системы комически отыгран в виде персонажа Шарикова – монстра, который способен выесть систему изнутри. И непосредственный «куратор» Шарикова Швондер, и стоящий выше партийный начальник оказываются по сути бессильны перед его железобетонной мещанской позицией уклонения от любого настоящего дела, от настоящего врага («На учет возьмусь, а воевать – шиш!») и одновременно готовностью не колеблясь по приказу расправиться с заведомо более слабыми (кошками или, как показывает история, своими же начальниками, когда те волею судеб откажутся сброшены с их высоких позиций).

Не тот ли самый фобический образ нависал над психикой самого Сталина в 1941 году, когда катастрофа начала войны обострила его паранойю и он, например, мог говорить о себе в третьем лице, оправдываясь перед своими: «Товарищ Сталин не предатель...» (Конев, 2000, с. 511). Не ощутил ли он в тот момент реальной внеш-

³ Одним из свежих ярких примеров этой традиции могут послужить знаменитые «моченые крысы», которыми белорусские оппозиционеры планировали в 2006 отравить водопровод по версии тогдашнего главы КГБ С. Сухоренко. (<http://afn.by/news/i/74961>)

ней угрозы всю силу угрозы внутренней – перед которой буквально потерял себя как первое лицо.

В этом смысле в качестве ключевого эпизода «Большой жизни» может быть рассмотрен раскол между двумя друзьями, главными героями шахтерского киноэпоса. Ваня Курский (персонаж Петра Алейникова) получает своеобразный ультиматум – поставить рекорд по добыче угля в опасном участке шахты – от своего друга Харитона Балуна (которого играет Борис Андреев), вставшего на «рельсы индустриального труда». Ваня отвечает в том смысле, что своя рубашка ближе к телу и ему хватает денег для жизни, а все, что за пределами этого гарантированного комфорта, его в принципе не интересует. Начальник, оказывающийся поблизости, способен только погрозить расхлябанному пролетарию пальчиком.

Харитон: – Все ребята на рекорд согласны! ...

Ванька: – Мне моя жизнь дорога. В деньгах я, собственно, не нуждаюсь... Без духового оркестра тоже могу прожить...

Начальник: – Мы эту вашу мелкобуржуазную стихию прекратим!

Вот здесь и появляются враги народа, как губка впитывающие все темные соки расхлябанности героя. Его пассивное нежелание ударно работать становится активным вредительством со стороны этих темных агентов, неузнавание которых в качестве его собствен-

ной инверсированной проекции и служит основой для обретения настоящей пролетарской идентичности Ваней Курским. Перелом наступает, когда один «дружок» в пивной предлагает ему «вторую зарплату» за активный саботаж (за пассивный саботаж он уже получает официальную зарплату). Вспышка сознательности ясно освещает в собутыльнике врага, к которому Ваня применяет физическую силу. Тем самым побеждая в себе «работягу», работающего за деньги, и становясь пролетарием, самоотверженно трудящимся за идею (рекорд, «духовой оркестр»).

С началом войны двоящиеся, тревожные образы врагов народа замещаются гораздо более надежным поставщиком внутреннего единства советского народа – фантазией «фашистов». Поначалу в кино фашисты предстают внезапно размножившимися врагами народа: безликие темные фигуры нестройными рядами выходят на поверхность дневной жизни из грязи и тумана. Фашисты – мелкие люди. В прямом смысле: худосочные, глупые человечки, трусливые твари, сильные только количеством. Пока их много – гибнут десятками от рук вчерашних трактористов и шахтеров в бесплодных атаках⁴. Получая достойный отпор – бегут, обезумев от страха. Фашисты также «мелки» в переносном смысле – корыстны, мелочны, рыщут в поиске любой наживы (пищи, вещей), которая предстает чуть ли не главным мотивом их нашествия. Как такой нелепый враг смог с относительно небольшими потерями за считанные недели лета 1941 года разгромить миллионные группировки Красной армии, оснащенные количественно и во многом качественно превосходящей немецкие аналоги техникой? Этот убийственный с точки зрения логики вопрос в идеологической камере обскуре снова оборачивается доказательством силы системы. Теперь он, враг, воплощает мелочность, эгоцентризм, мелкобуржуазный меркантилизм – одним словом, расхлябанность. Вся его организация и дисциплина – это лишь покров его подлинной природы. И чем они очевиднее, тем более обманчивы. Ибо теперь мы – едины и организованы. Теперь в нас нет места расхлябанности. Она может быть только – а значит и есть – «там», у них, как то онтологическое отличие, учреждающее одним и тем же жестом и «нас», и «их».

Сталинизм в этом свете – это не только хлыст догоняющей модернизации, навязывающий стахановское движение как альтернативу протестантской этике. Это чередование принципов «экономика ради войны» и «война ради экономики». Шахтеры будут стабильно ударно трудиться, если на другой сцене войны они так же, как перемалывали горную породу, будут «перемалывать» врага, орудуя пулеметом как отбойным молотком, выдавая «на гора» стахановские количества поверженного врага.

⁴ Известная путинская фраза о «шахтерах и трактористах», которые наносят поражения регулярной армии, – свободная ассоциация, которая без труда вычитывается из данного идеологического палимпсеста.

В «Большой жизни» песенный мотив «боя за уголек» в заключении принимает буквальный смысл: «Пойдет вперед стахановское племя – пойдет вперед громить в бою врага». Еще неясно, кто же враг и что это, собственно, за война (роман Павла Нилина «Человек идет в гору», по которому снят фильм, написан в 1936 году). Ясно, что стахановство – это предвоенная экономическая горячка. Более того, инертный, сопротивляющийся, враждебный уголь (который может раздавить при обвале), в глубинах которого самозарождаются враги (или дремлют как древние хтонические силы), равно как и угольно-черные фашисты, возникающие массой как из-под земли, можно рассматривать как образы *энергоносителей*. Добыв эти энергоносители, сами добытчики обретают стахановскую Энергию энтузиазма. Трата физических сил оборачивается приливом сил душевных, которые порождают еще больше физических. Образцом этой утопической энергетики служит главный герой «Большой жизни» Харитон Балун и вообще типаж Бориса Андреева в советском кино.

Речь, таким образом, идет о поиске «альтернативного источника» социальной энергии. Альтернативного деньгам. О победе над внутренним врагом – индивидуалистическим «маленьким человеком» в себе. Победе, невозможность которой в условиях «моды на деньги» являлась неисчерпаемым источником энергии для самого советского искусства.

Современная история Донбасса представляет собой новый слой описываемого идеологического палимпсеста. Прежде всего, она является историей деиндустриализации, «заката труда» со всеобщим глухим недовольством нисходящего рабочего класса (и в особенности его элиты, частью которой являлись шахтеры). На кого обратить это недовольство от утраты прежнего экономического и символического положения? И здесь на поверхности истории проступают реликтовые письмена нижних слоев палимпсеста. Не должна ли нас настораживать сама легкость, с которой все стороны конфликта в Украине используют фантазию «фашиста» в информационной войне?

В постсталинскую эпоху в СССР формируется первое поколение квалифицированного рабочего класса во главе со специфиче-

ски оттепелной социальной группой трудящейся интеллигенции (ИТР, инженерно-технических работников). Поколение, которое равномерно насыщает экономическое пространство и демонстрирует свой «вкус к жизни», отсутствие которого выступало травматическим триггером сталинского идеологического воображаемого (с его камертоном компенсаторного, «заразительного» оптимизма – песенного «Эй, товарищ, больше жизни!», кинематографических «Веселых ребят» и т. п.).

Это поколение совершает рывок, который к 1970 году сокращает разрыв между СССР к США до исторического минимума. Экономика СССР после опустошительной войны выходит на второе место в мире, достигая 60% экономики США (A Comparison of the US and Soviet Economies, 1999) (лишь в 1977 году Япония, обогнала, в 1985 – ФРГ). Устанавливается военный паритет, не говоря об успехах в науке, образовании, культуре. Казалось бы, проект советского модерна успешно реализуется, «расхлябанность» отступает. Соответственно, тускнеет образ внешнего врага. Инфернальные «фашисты» превращаются в достойного противника – сильного, расчетливого. Современные же «империалисты» скорее искушают советских людей (той же модой), а не руководствуются звериным инстинктом уничтожения всего живого.

Но нефтяной бум в СССР 1970-х, который должен был придать новый импульс для решающего рывка советской модернизации, демонстрирует, что растущая добыча и экспорт природных энергоносителей не компенсирует снижение социальных энергий, уменьшение главного экономического ресурса – производительности труда, желания людей *отличаться* в коллективе, подниматься над собой (инертностью и мелочностью в себе). Утопический момент оттепели – сталинский террор уже позади, настоящая «мода на деньги» еще впереди – быстро проходит, и наступает черед советскому модерну стать незавершенный проектом.

Причину этой незавершенности можно усматривать в идеологических границах, не позволивших осуществить переход «от власти земли к власти денег», ибо «без универсальности денег немислим и универсальный городской человек» (Вишневский, 1998, с. 24–26, 100). Советский человек, с этой точки зрения, пусть даже это классный специалист с личным, неотторжимым достоянием (знанием, квалификацией) – это неполноценный герой модерна. Для всесторонней модернизации общества необходима экономическая независимость, собственность, полноценные деньги (Вишневский, 1998, с. 109). Пока же: «Заведующий сектором ЦК спокойно относится к тому, что академик или видный писатель имеет больше денег и имущества, чем он сам, но никогда не позволит, чтобы тот ослушался его приказа» (Восленский, 1991, с. 114).

Но вот «мода на деньги» приняла неограниченный характер, часть советского среднего класса (вчерашние госслужащие, офи-

церы, партработники и т. д.) – этих буржуа без денег – образовала современный денежный класс в России. И вместо модернизации, мира и процветания мы видим возвращение идеологических фантазий первой половины прошлого века.

Первым фактором этого возвращения выступает уже упомянутая деиндустриализация, в результате которой советские рабочие и служащие оказались в ситуации эксплуатируемой рабочей силы третьего мира, вынужденной продавать свой труд по минимальным ценам. Разумеется, важную роль сыграла авторитарная политическая традиция, в русле которой приватизация была использована узкой группой лиц для фактической узурпации власти. В результате чего сложилась, в частности, специфическая российская форма олигархата «силовики». Но глобальные изменения в технологиях и разделении труда снова обнажили нехватку тех социальных «энергоносителей» – стимулов труда, удовольствия от труда, – по отношению к которым традиционные уголь, нефть или газ сами выступают скорее компенсаторными фантазиями.

Неолиберализм обнажил тот факт, что деньги не могут выступить тем универсальным «энергоносителем», который служил утопическим импульсом модернизации. Исторические разновидности проекта модерна – от эпохи «свободы, равенства и братства» до эпохи государства «всеобщего благосостояния» и «общенародного государства» – заключали в себе ядро конкретной универсальности, то есть то живое ощущение нации или класса, универсализация которых (единство) могла бы переживаться как личный интерес. И по отношению к которым проект освобождения – от не менее конкретной зависимости от другой нации или класса – служил мощным источником социальной энергии.

Постмодерн есть подрыв любых социальных форм универсальности, кроме абстрактной универсальности денег. Если водоснабжение или городские площади со времен первых республик были публичным достоянием, а электрификация (включая радиодификацию, кинофикацию) в ленинском политическом воображении призвана была сыграть решающую роль в построении новой социальной общности, то денежные «потoki» по определению не могут стать *res publica* – общей вещью. Между тем желание денег и есть та единственно возможная структурная позиция, которая оставляется для субъекта системой неолиберализма.

Чем являются, например, фигуры Путина или Януковича, если не зеркалами желания «простого человека», постсоветского человека, для которого более не существует идеологических ограничений «моды на деньги»? Эти зеркала говорят: вот чего ты, собственно, хочешь – больше денег. Ты просто хочешь оказаться на моем месте. И поэтому контроль над денежными потоками будет принадлежать мне. Ибо какая разница – ты или я? Она есть только для меня или тебя. А значит, нет политической оппозиции, а есть личные враги, покушающиеся на мои денежные потоки. Масса на-

логоплательщиков как была, так и останется на надлежащей от них дистанции.

Что нужно, чтобы не узнать в плутократическом зеркале самих себя?⁵ Увидеть «фашистов» в том идеологическом зазеркалье, которое учреждается линией информационной войны. Соответственно, увидеть в фигуре собственного авторитарного лидера, источника неравенства и угнетенности – залог единства и процветания.

В этом контексте понятнее становятся, например, случаи свистельства «распятия мальчика» в Славянске. Упрощенным было контрпропагандистское представление об оболваненных российской пропагандой людях, которые верят в эту, казалось бы, очевидную ложь. «Славянский мальчик» – одна из тех идеологических фантазий, относительно которых можно сказать: если бы их не было, их нужно было бы выдумать. Ибо такие гротескно-заостренные фантазии позволяют разрядится внутреннему напряжению на конкретный объект страха и ненависти. Они служат удобным поводом психологической разрядки в агрессивном действии, эффективным средством артикуляции и проекции собственной тревоги. Когда люди говорят о несуществующем как о том, что они видели собственными глазами⁶, то это проблема веры, а не знания. Проблема того, что им не во что больше верить для сохранения собственной цельности. А если славянский мальчик «распят», то есть и темная сила, которая стоит за этим. Ибо что еще могло произвести столь чудовищный акт? И не та ли это самая темная сила, ко-

⁵ Так, например, в документальном фильме «DIY Country» (The Donetsk People's Republic, or the curious tale of the handmade country) (2014) Энтони Баттса о первых двух месяцах в сепаратистском Донцке красной нитью в разговорах различных персонажей проходит тема лучшего «финансирования» своей жизни. Заканчивается же фильм тем, что сепаратист с позывным «Ленин», мелькавший в антураже коммунистической символики, добывает себе в результате военных действий один из символов постсоветского престижа – джип «Лексус». См. Также: Вагнер А. История о самодельной стране // Радио Свобода. 13.05.2015. (<https://www.svoboda.org/a/27014119.html>).

⁶ См.: например, симптоматическое высказывание сепаратиста о распятом в Славянске мальчике как о причине решения взять в руки оружие: «Посмотрел, как в Славянске фашисты прибивали на стенде ребенка, и все... на следующий день пошел в ополчение... Это все правда. Много съемок в интернете есть, как они все это делали. ... На следующий день после съемки, увидел – пошел...» («Боевик ДНР свидетель распятого мальчика!») (<https://www.youtube.com/watch?v=AN9IEaWL9fI>). Или еще более обнажающее фантазматические корни идеологического образа интервью с белорусским парнем-десантником. В ответ на вопрос, почему поехал воевать на стороне сепаратистов в Украину, он отвечает: «В интернете увидел видео, как в Славянске женщину привязали к БТРу и таскали по городу. Ребенка приколотили к забору. Это все не показывали, но говорили. Это меня задело. Было ли это на самом деле или нет... Но это задело. Это был край (курсив А. Г.)». (Белорусский десантник в «ДНР», 2015).

торая «злобно гнетет» и меня самого, которая ответственна за всю мою глубокую неудовлетворенность жизнью?

Поражающая воображение сила информационных снарядов типа «распятого мальчика» обусловлена не только этой катарсической фантазмагоричностью, но и самой «анатомией» данных образа. Эти идеологические образы работают как миф. Они являются не заставшими картинками, но образуют поле структурных пермутаций – симметрий и инверсий. В нашем примере, прежде всего, разумеется, пермутаций элементов сюжета о распятии Христа: мужчина превращается в мальчика, 33 года – в 3 года, набедренная повязка – в трусики, *coup de grâce* (удар милосердия) копьем – в немилосердные надрезы, чтобы помучился, возвышенный крест – в профанную доску объявлений и т.д. Практически все черты, из которых сделан образ славянского мальчика, вписываются в библейскую схему по определенным правилам трансформации. Чем производится эффект истины – в этом «что-то есть», здесь присутствует некий строгий внутренний порядок, порядок означающих, который, по мысли Лакана, и есть измерение истины (мифа). Более того, это мифологическое повествование вписывается в поле уже существующих популярных фантазий различной исторической глубины. Здесь и знаменитое «дело Бейлиса» об обвинении в ритуальном убийстве украинского мальчика евреями в Киеве в 1911 году. И схожий мотив распятия мы встречаем в 4-ом сезоне «Игры престолов» (2014). Непосредственно накануне пресловутого телесюжета в «Фейсбуке» российского идеолога неоевразийства А. Дугина появляется пост о «правде о происходящем» в Славянске, в котором фигурирует распятый мальчик 6 лет (Ложь: распятие в эфире Первого канала, 2014).

Образ распятого мальчика обладает мифологическими критериями достоверности. Он избыточен: маленькое тело тащит танк, три раза объезжая вокруг площади. Аллегоричен: содержит в себе переплетение православно-коммунистических мотивов – град славянского мира, площадь Ленина с распятием. Открыт избранным – только одна в толпе непосредственно видела это, что только подтверждает подлинность «чуда» (подобно тому, как мальчик и девочка в «Сладкой жизни» Феллини единственные «видят» Деву Марию посреди невидящей толпы).

В общем, этот образ насыщен тем правдоподобием, которое является питательной средой для идеологического воображения. Все прямые разоблачения подобного рода образов не задевают их фантазматического ядра.

На поверхности массмедиа информационная война предстает как современная (концентрированная, циничная и пр.) разновидность идеологии. Информационная война маскирует за политической риторикой реализацию узкогрупповых экономических

интересов⁷. Война есть самый прибыльный бизнес, особенно в отсуствии собственной сильной экономики.

Но если раньше вожди сражались вместе со своими войнами (чем, в частности, обусловлено компенсаторное обаяние исторических саг и фэнтези типа «Властелина колец», в котором король бросается на врага в первых рядах своего войска), то теперь так называемые бенефициары надежно укрыты не только от малейшей физической опасности за плотными concentрическими кольцами охраны и спецслужб, но и от глаз публики вообще. Не есть ли это одна из ключевых черт современной войны, которая, обеспечивая завесу движения капитала, с необходимостью становится «информационной»? То есть скрывающей подлинные мотивы военных действий – которые ведутся в основном в регионах, связанных с добычей и транспортировкой энергоносителей – не столько от врага, сколько от своих избирателей. Не является ли, в конце концов, информационная война формой идеологического неузнавания для самого нападающего, ведущего борьбу с внутренним врагом?

Не является ли, иными словами, ключевая политэкономическая метафора нашего времени – метафора «финансовых потоков» – современной версией фантазма Энергии: вечного поиска «энергоносителей» для коллективного действия и модернистского «угасаний энергий» в атомизирующемся обществе? В конце концов, как подчеркивает Жижек, именно на таких ключевых фантазмах основана сама социальная реальность: «Фантазия – это первоначальная форма нарративности, предназначение которой – скрыть безвыходное положение» (Жижек, 2012, с. 45). Если мы не будем верить в онтологию денежных потоков и легитимность бенефициаров, шатается вся конструкция мира позднего капитала (примитивной олигархической разновидностью которого являются и постсоветские авторитарные режимы), в которую вписаны и консьюмеризм, и инфотеймент и другие вещи, из которых соткана ткань нашей повседневности.

Сегодня фантазм «финансового потока» претендует на роль социального перводвигателя, оживляющего всю жизнь индивида (ассимилируя и энергию либидо). Как раньше в жилах королей текла голубая кровь, дававшая им право власти, так и в теле бенефициаров содержится особая энергетика, которая «естественным» образом притягивает к себе финансовые потоки⁸. Вот только эта энергия не приводит в движение общественный организм,

⁷ Из последних примеров – февральский разгром подразделений ЧВК Вагнера в Сирии, который сорвал идеологический покров помощи «законной власти», с получения сверхприбылей – до 25% нефти этих месторождений должны были пойти российским бенефициарам: «А за кого теперь гибнут пацаны? За Пригожина и его финансовые интересы?» (Гольц, 2018).

⁸ Подобно тому, как в фильме Рассела Малкэхи «Горец» (1986) – одной из аллегорий постмодернистской конкуренции, наряду с телевизионны-

заставляя спазматически сокращаться только отдельные «мышцы» (инвестиционно привлекательные сектора экономики, бюрократически-олигархические группы). Более того, она подрывает, в терминах Бодрийара, саму основу социального – символический обмен, создавая тромбы ценности (накопления денег), блокирующие циркуляцию социальных энергий (Бодрийар, 2000, с. 28, 98.). Если посмотреть на проблему внутреннего врага с этой перспективы, то становится более очевидно то измерение, в котором лежат ответы на проклятые вопросы типа: «Для чего России Донбасс? И должны ли мы за него бороться? Ведь, забрав куда менее проблемный Крым, при куда более благоприятных условиях, мы и там, похоже, не разобрались, что и как надо делать, не использовав колоссальную энергию, высвобожденную в результате взрыва патриотизма 2014 года. И утонули в чинушестве, воровстве, головопьястве...» (Беседин, 2016).

«Враги народа», «фашисты», «укрофашисты» в фантазматическом измерении несут схожую нагрузку спроецированного внутреннего врага, вписанного в сложный идеологический палимпсест – исходной «расхлябанности», помноженной на «моду на деньги»⁹. Безусловно, в том, что называют информационной войной России против Украины есть и имперские традиции, и геополитическая игра с Западом, и конкретные финансовые интересы определенных групп. Задача данной статьи – показать еще одну грань данного конфликта, его многомерность. Ибо лобовое столкновение пропаганды и контрпропаганды способно так упростить картину происходящего, что она на долгое время застынет на экранах массмедиа.

Литература

Белорусский партизан. (2015) Белорусский десантник в «ДНР»: Я приехал сюда, когда услышал про распятого мальчика. [онлайн] Белорусский

ми шоу типа «Последний герой» – энергия поверженных соперников естественным образом вливается в победителя.

⁹ Ср. последнее признание о работе силовых органов самого Путина на пресс-конференции 14 декабря 2017 года: «Больших изменений к лучшему мы пока не видим. Связано это, конечно, и с коррупцией на всевозможных уровнях, и просто с низкой организацией этой работы... Где-то год назад я пригласил Бортникова (директора ФСБ, кто не знает) и дал ему материалы, которые ко мне поступили по одному из каналов в отношении конкретной структуры. Он посмотрел (неудобно говорить, но тем не менее скажу) и говорит: «Владимир Владимирович, мы ровно полгода назад в этой структуре провели оперативно-следственные действия, возбудили уголовные дела, передали в суд, все находится в местах лишения свободы – все из целого подразделения (курсив А. Г.). Полгода назад набрали новых сотрудников, и всё началось сначала». Понимаете, я, честно говоря, иногда даже не знаю, что с этим делать». (<https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2110612-echo/>)

- партизан. Доступ по: <http://www.belaruspartisan.org/politic/296119/>. [Просмотрено 22 июня 2018]
- Беседин, П. (2016) Для чего России Донбасс? [онлайн] Известия. Доступ по: <https://iz.ru/news/603003> [Просмотрено 27 июня 2018]
- Бодрийар, Ж. (2000) *Символический обмен и смерть*. Москва: «Добросвет», 387 с.
- Вишневский, А. (1998) *Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР*. Москва: ОГИ, 432 с.
- Восленский, М. (1991) *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Москва: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 624 с.
- Гольц, А. (2018) «2018». [онлайн] Эхо Москвы. Доступ по: <https://echo.msk.ru/programs/year2018/2148006-echo/> [Просмотрено 18 июня 2018]
- Жижек, С. (2012) *Чума фантазий*. Харьков.: Изд-во Гуманитарный Центр, 388 с.
- Конев, И. С. (2000) *Записки командующего фронтом*. М.: «Голос», 528 с.
- Ленин В. И. (1970) *Полное собрание сочинений*. Т. 39. Москва: Издательство политической литературы, 624 с.
- Трагедия советской деревни. (2002) *Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы*. Том 4. Москва: РОССПЭН, 1055 с.
- Хлевнюк, О. (2015) *Сталин. Жизнь одного вождя: биография*. Москва: АСТ: CORPUS, 464 с.
- Stopfake. (2014) Ложь: распятие в эфире Первого канала. [онлайн] Stopfake. Доступ по: <https://www.stopfake.org/lozh-raspyatie-v-efire-pervogo-kanala/>. [Просмотрено 22 июня 2018]
- CIA Historical Review Program. (1999) A Comparison of the US and Soviet Economies. Evaluating the Performance of the Soviet System. A Reference Aid, October, 1985. [online] *CIA Historical Review Program*. Available from: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000497165.pdf. [Accessed 8 June 2018].

References

- Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: «Dobrosvet», 387 p.
- Belorusskii partizan. (2015) *Belorusskii desantnik v «DNR»: Ia priekhal siuda, kogda uslyshal pro raspiatogo mal'chika* [Belarusian paratrooper in DNR: I came here after I had heard about the crucified boy]. [online] *Belorusskii partizan*. Available from: <http://www.belaruspartisan.org/politic/296119/>. [Accessed 22 June 2018]
- Besedin, P. (2016) *Dlia chego Rossii Donbass?* [Why Russia needs Donbass?] *Izvestiia*. Available from: <https://iz.ru/news/603003>. [Accessed 27 June 2018]
- CIA Historical Review Program. (1999) A Comparison of the US and Soviet Economies. Evaluating the Performance of the Soviet System. A Reference Aid, October, 1985. [online] *CIA Historical Review Program*. Available from: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000497165.pdf. [Accessed 8 June 2018].

- Gol'ts, A. (2018) «2018'. [online] *Ekho Moskvy*. Available from: <https://echo.msk.ru/programs/year2018/2148006-echo/>. [Accessed 18 June 2018]
- Khlevniuk, O. (2015) *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdia: biografiia* [Stalin: The Life of the Leader: Biography]. Moscow: AST: CORPUS, 464 p.
- Konev, I. S. (2000) *Zapiski komanduiushchego frontom* [The Notes by Front Commander]. Moscow: «Golos», 528 p.
- Lenin V. I. (1970) *Polnoe sobranie sochinenii* [The Full Writings]. T. 39. Moscow: Izda-tel'stvo politicheskoi literatury, 624 p.
- Stopfake. (2014) *Lozh': raspiatie v efire Pervogo kanala* [Lies: Crucifixion on the air by Perviy Channel]. *Stopfake*. Available from: <https://www.stopfake.org/lozh-raspyatie-v-efire-pervogo-kanala/>. [Accessed 22 June 2018]
- Tragediia sovetskoï derevni. (2002) *Kollektivizatsiia i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [Collectivization and Dekulakization. Documents and materials]. Tom 4. Moscow: ROSSPEN, 1055 p.
- Vishnevskii, A. (1998) *Serp i rubl'. Konservativnaia modernizatsiia v SSSR* [The Snake and the Rouble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow: OGI, 432 p.
- Voslenskii, M. (1991) *Nomenklatura. Gospodstvuiushchii klass Sovetskogo Soiuza* [Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union]. Moscow: «Sovetskaia Rossiia» sovm. s MP «Oktiabr'», 624 p.
- Žižek, S. (2012) *Chuma fantazii* [The Plague of Fantasy]. Khar'kov.: Izd-vo Gumanitarnyi Tsentr, 388 p.